

велика и сѣча силна и страшна» (стр. 100). 1036: «... и сступишася на мѣсте ... И бысть сѣча зла, и два одолѣ к вечеру Ярославъ. И побѣгоша печенѣзи разво» (стр. 102). 1067: «И совокупишася обои на Немезѣ... поидоша противу собѣ. И бысть сѣча зла... и одолѣша Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Всеславъ же бѣжа» (стр. 112). Аналогичные описания мы найдем и в других местах ПВЛ.

Характерно, что слова «брань» и «сѣча» в этих описаниях всегда (исключение на стр. 47) выступают с эпитетами. Наиболее распространенные традиционные формулы: «сѣча зла» (в ПВЛ 5 раз) и «брань крѣпка» (5 раз). Эпитеты отсутствуют лишь тогда, когда их постановка невозможна; например: «... крестъ бо князем в бранех пособить» (стр. 115); «... бѣ бо въ тѣ день Преображенье господне, егда си бысть сѣча» (стр. 85). В первом случае речь идет не о конкретной битве, но о боях вообще, во втором — не описание «сечи», но лишь указание на известное уже событие для уточнения его даты. Отметим также, что эпитет «зла» традиционно связывается со словом «сѣча» («брань зла» — всего один случай), в то время как слово «брань» выступает с эпитетами «крепка» или «люта», не встреченными нами при слове «сѣча». Формула «брань крѣпка» поддерживается частым употреблением традиционной формулы «боротися крѣпко». Например, 946: «... а деревляне затворишася въ градъ, и боряхуся крѣпко изъ града» (стр. 42). Аналогично на стр. 75, 145.

Из приведенного материала видно, что воинский быт древней Руси работал весьма устойчивую и развитую систему традиционных формул, нашедшую свое отражение на всем протяжении ПВЛ. Как же обстояло дело с применением традиционных формул в описаниях других сторон древнерусского быта?

Обратимся к примерам. Портрет князя в ПВЛ — в большинстве случаев портрет «идеальный», обобщенный, лишенный каких бы то ни было незначительных деталей. Но каждый раз этот портрет создается разными речевыми средствами: Мстислав «дебель тѣломъ, чермень лицом, великими очима» (стр. 101), Ростислав «взрастомъ ... лѣпъ и красенъ лицомъ» (стр. 111), Изяслав «взором красенъ и тѣломъ велик» (стр. 133—134). Правда, и здесь заметно стремление к традиционности: во всех портретных зарисовках подчеркивается красота лица князя, его статная фигура. Не сразу найдет свою традиционную форму и описание благочестивости князя: Ростислав «милостивъ убогимъ» (стр. 111), Всеволод «издѣтѣска боголюбивъ ... набдя убогия, въздая честь епископомъ и презвутером, излиха же любяше черноризци, подаяше требованье имъ» (стр. 142), Ярослав «любя церковныя уставы, попы любяше по велику, излиха же черноризьщѣ» (стр. 102).

В традиционных формулах изображаются различные моменты жизни князя. О приходе на великокняжеский престол летописец сообщает: «... Ярославъ же сѣде Киевѣ на столѣ отъни и дѣдни» (стр. 96); «Сѣдѣ на столѣ отца своего и дѣдѣ своихъ» (о Мономахе; стр. 197). Встреча горожанами князя описывается в летописи так: «Изяславу же идущю къ граду, изидоша людье противу с поклоном, и прияша князь свой кыяне» (стр. 116); «Изидоша противу ему кыяне с поклоном, и прияша и с радостью, сѣде (Святополк) на столѣ отца своего и стрья своего» (стр. 143).

Мы встретим традиционные формулы и в описаниях похорон князя, провожаемого «с плачем великим», и в описаниях торжественных приемов — «чести великой», и даже в обращениях летописца к читателю, когда он, закончив обширное отступление от основной линии повествования, предупреждает: «На подлежащее возвратимся». Однако только в описаниях